

УДК 811.161.1'373+811.581'373

DOI 10.37972/chgpu.2021.112.3.012

Е. И. Селиверстова, Ван Исюань

ЖИЛОЕ СТРОЕНИЕ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО МАТЕРИАЛЬНОГО ДОСТАТКА / БЕДНОСТИ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ

*Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия*

Аннотация. Жилище является одним из важнейших элементов культуры, связанных с материальными потребностями и аксиологическими ценностями этноса. В предлагаемом исследовании, ориентированном на выявление идейного своеобразия паремий и ценностного восприятия жилого строения носителями русской и китайской культур, используется метод лингвокультурологического анализа. В центре внимания – компоненты пословицы-наименования жилых строений богача и бедняка и те представления, что проявляются в паремиях двух языков. Результаты проведенного анализа показывают, что наименования жилища, используемые в двух языках, широко представлены в паремиях, что говорит о его важности в жизни человека; они служат для указания на материальное состояние его владельца, для выражения отношения к жилищу и расстановки ценностных приоритетов носителей языка и культуры. С одной стороны, в русских и китайских паремиях выражается ряд общих лингвокультурологических установок: негативное отношение к богатому жилью, тесно связанное с идеей социального неравенства; предпочтительность собственного жилья качественному, но чужому и др. С другой стороны, в китайских паремиях более ценным представляется моральное состояние собственника, его образованность и перспективы, а в русских паремиях акцентируется важность здоровья, любви и согласия и т. д.

Ключевые слова: *жилище, русские и китайские паремии, богатство, бедность, ценность.*

E. I. Seliverstova, Wang Yixuan

RESIDENTIAL BUILDING AS EVIDENCE OF WEALTH OR POVERTY IN RUSSIAN PROVERBS AS COMPARED TO CHINESE ONES

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. Dwelling is one of the most important elements of culture associated with the material needs and axiological values of the ethnos. In the proposed study, focused on identifying the ideological specifics of the paremias and the value perception of the dwelling by representatives of Russian and Chinese cultures, the method of linguocultural analysis is used. The focus is on the components of the proverb-names of the rich and poor residential buildings and those ideas that are expressed by the proverbs of the two languages. The results of the analysis show that the names of the dwelling, used in two languages, are widely represented in paremias, which proves its importance in human life; they serve to indicate the material condition of its owner, to express the attitude towards the dwelling and to set the value priorities of native speakers of the proper language and culture. On the one hand, a number of common linguocultural attitudes are expressed in Russian and Chinese paremias: a negative attitude towards rich housing, closely related to the idea of social inequality; a positive assessment of one's own poor housing, compared with high-quality, but somebody else's, etc. On the other hand, in Chinese paremias, the moral state of the owner, his education and prospects are more valuable, while in Russian paremias the importance of health, love and harmony, etc. is emphasized.

Keywords: *dwelling, Russian and Chinese couples, wealth, poverty, value.*

Введение. Жилище как повседневное пространство, с древних времен до наших дней тесно связанное с человеческой жизнью, принадлежит к категории основных жизненно важных потребностей – не только как материальная собственность человека, но и существенная составляющая его духовной жизни. Как пишет А. К. Байбурин, «в традиционном обществе жилище – один из ключевых символов культуры. С понятием “дом” в той или иной мере были соотнесены все важнейшие категории картины мира у человека» [1, с. 9]. Это мнение поддерживают и другие ученые, считающие, что история жилища важна как история культуры, история «овеществления, оформления социумом самого себя во времени» [25, с. 358].

Цель статьи – выявить лингвокультурологические представления носителей русского и китайского языков, формируемые в паремиях за счет компонентов, номинирующих жилище богача и бедняка.

Представления о жилище, о доме, сложившиеся в сознании носителей русских языка и культуры, изучаются исследователями в разных аспектах. В этнолингвистическом словаре, аккумулирующем сведения о материальной и духовной культурах славянских народов, дом предстает как осмысляемое ими ‘жилое пространство человека, символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов’. Он противопоставляется внешнему миру, является объектом разнообразных магических ритуалов, совершаемых для его защиты [22, с. 358].

Специфика концепта «дом», отражающаяся в словарных дефинициях, словообразовательных деривационных гнездах, синонимических рядах и фразеологизмах, рассматривается в статье Э. В. Герасименко [3].

К. Ж. Джусупова, обращаясь к вопросу концептуализации понятия «дом» в русской концептосфере, сравнивает различные трактовки слова в словарях и устанавливает, что в русском языковом сознании концепт «дом» раскрывается рядом слов – таких как, например, *изба, хоромы, хата* и др., и лексемами, номинирующими неотъемлемые и весьма важные части дома (*печь, окно, дверь, крыша* и др.), а приоритетным значением концепта «дом» является представление о родном доме, называемом кровом, очагом [7].

Паремиологические единицы (ПЕ), сохраняющие народную мудрость и жизненный опыт, являются проявлением национального менталитета носителей культуры и языка [13]. Не случайно паремия рассматривается как поле для изучения роли и значения концепта «жилище» в паремиях. Так, в статье О. В. Копыльских представлена и охарактеризована тематическая классификация наименований жилища и его частей, входящих в состав русских пословиц. Автор делит названия частей жилища, встретившиеся в ПЕ, на две тематические группы. Первую группу «Дом» составляют: а) общие наименования русского жилища; б) названия основных частей русского дома; в) наименования помещений дома; г) лексика интерьера дома. Вторая группа – «Двор» – включает лексему «двор» и названия основных частей двора, а также наименования надворных построек и угодий, прилегающих ко двору [12]. Б. Г. Глозман приводит в своей работе тематическую характеристику пословиц русского языка, объективирующих концепт «дом», демонстрирует аксиологическую систему, связанную с данным концептом, в которую входят такие понятия, как «свобода», «достоинство человека», «благополучие», «домашний уют» и т. д. [4].

Сопоставительное изучение фрагментов языковой картины мира носителей разных языков и культур поддерживается учеными на том основании, что, осуществляясь в русле лингвокультурологической парадигмы, оно «направлено на выявление универсального, культурно-обусловленного и национально-специфического во фразеологизмах как знаках языка, культуры и коммуникации» [11, с. 115]. Поэтому совершенно закономерно, что многие авторы работ, построенных на материале различных пар языков – русского и испанского [2], русского и чешского [20], русского и французского [8] и др., привлекают паремийный материал.

Использование лингвокультурологического подхода целесообразно и при анализе материала русского и китайского языков, оправданного возможностью не только увидеть универсальное в видении мира, но и выделить этномаркированные представления о мире и человеке у носителей двух неблизких языков и культур. Подобные исследования успешно проводятся на материале русского и китайского языков – в работах Е. И. Зиновьевой и Пи Цзянкуня [10], Е. И. Селиверстовой и Чэнь Вэйцзя [21], Ма Сянфэй [16] и др.

Актуальность исследуемой проблемы. В данной статье мы исходим из того, что среди лексических номинаций жилища в русском и китайском языках обнаруживается значительный ряд оценочных слов: рус. *палаты, хоромы, дворец, хижина, хибара, лачуга* и др.; кит. *宅, 厦, 殿, 茅屋, 草屋* и т. д. Номинации жилища часто оценочны не только сами по себе, но, будучи включенными в состав ПЕ, вносят оценочное звучание и в семантику русских и китайских ПЕ, в которых отражается различное отношение человека к своей материальной и духовной жизни, к социальным явлениям – и даже философское их осмысление. Оценочная составляющая значения этих слов и их вклад в совокупную семантику ПЕ до сих пор не удостоилась особого внимания исследователей, а между тем важность этого аспекта бесспорна, поскольку «современное общество в большой мере подвержено оценочной деятельности сознания в культуре и дискурсе» [24, с. 352], что проявляется и в разнообразной оценочной лексике и фразеологии русского языка.

Суть паремий не есть этнографическое описание предметов окружающего мира, хотя в них присутствуют некоторые сведения о строениях и их частях, об их характерных признаках и функциях. В ПЕ отражаются «национальные варианты общечеловеческих ценностей, которые являются предметом рассмотрения лингвоаксиологии» [19, с. 67] – одного из востребованных сегодня научных направлений (прим. 1).

Подобный взгляд на ПЕ с компонентами-наименованиями жилища перспективен, поскольку образы жилища с его видом и состоянием, являясь свидетельством благополучия / неблагополучия владельца и его семьи, служат в ПЕ свидетельством отношения говорящих к собственности, отношений в семье, шкалы ценностей носителей языка и культуры.

Национальное своеобразие языковой картины мира становится очевидным в процессе межкультурного общения [19], а в данном случае – при сопоставлении паремии русского и китайского языков. Анализ направлен на выявление идейного своеобразия паремий и ценностного восприятия жилища носителями двух культур.

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили 35 русских и 20 китайских ПЕ, отобранных из «Большого словаря русских пословиц» [17], собрания В. И. Даля «Пословицы русского народа» [5] и «Словаря китайских пословиц» [27]. Применялись методы компонентного, семантического и лингвокультурологического, сравнительно-сопоставительного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Как показывает анализируемый материал, наименования жилища в составе ПЕ можно условно разделить на 3 разряда: одни компоненты называют жилые строения, которые доступны только богатым людям (*хоромы* и др.); другие, наоборот, называют жилище бедняка – убогое, в плохом состоянии (*хижина, угол* и др.); третьи – преимущественно это компонент *изба* – часто нейтральны, т. е. лишены признаков, указывающих на материальный достаток их владельца. Обратимся к единицам, содержащим номинации строений богача и бедняка, и выражаемым ими представлениям (прим. 2).

Богатое жилье доступно не каждому, оно несравнимо с жилищем бедняка, контрастирует с ним, вызывая чувство недовольства, зависти, ощущение несправедливости: *Красны боярские палаты, а у мужиков избы на боку; Кому новые хоромы, а у меня углы отгнили.* Очевидно, что состояние жилья богача и бедняка констатируется последним, о чем говорит местоимение «у меня». Идея социального неравенства, реализуемая на примере образов

жилых строений, может вербализовать контраст принципиально не совпадающих возможностей и интересов разных людей (ср. ирон. *И у нас щи не солены, и у вас жемчуг мелковат*). Добротность жилого строения, подчеркиваемая определениями *боярские, новые, каменные (Родная хижина милее каменных палат)*, указывает на дистанцию между недоступным богатым жильем и собственным – хотя и посредственным, но более ценным для его владельца.

Мысль о несопоставимости жилья богача и бедняка продолжают и ПЕ с компонентом *Строганов* (прим. 3): *Применил избу да к Строганову двору; Применил собачью конуру ко Строганову двору. Применять* – ‘сравнивать’ [6, т. 3, с. 427]. Несопоставимы *Строганов двор* – дворец, особняк одного из богатейших людей России (прим. 4) – и *собачья конура* – наименование жилища, отмеченного выразительной оценочной составляющей. Ср. образованную по той же модели ПЕ с идеей несопоставимости: *Применил свою вышку к Ивану-великому!*

С одной стороны, логичной представляется неизменность контраста в условиях существования имущего и неимущего. Так, в ПЕ *Мошняковы хоромы в гору, бедняковы под гору ползут* указывается на рост финансовых возможностей владельца жилья (*мошняковы* от слова *мошна* – ‘1. устар. Мешок для денег; кошелек. 2. перен. разг. Деньги, богатство’) [23, т. 2, с. 306]. Форма *в гору* здесь может иметь и прямое значение, связанное с высотой здания (представление о хоромах исключает, как правило, низкую постройку), и переносное, актуализирующее семантику ‘улучшение’ (ср.: *Дела пошли в гору*), что также актуально в отношении владельца жилья.

С другой стороны, через контраст образов добротного жилья и убогого реализуется идея возможного падения, снижения жизненных стандартов тех, кто ранее жил безбедно: *Из короба в крошки, из терема в овин*. Символ жизненного благополучия вербализован в данной ПЕ дважды – образом наполненного короба, противопоставленного остаткам, крохам, и *терема* (‘1. Высокий – боярский или княжеский – дом в виде башни’ [9, с. 764]), контрастирующего со «служебной» постройкой – *овином*, не предназначенным для проживания: это ‘строение для сушки снопов перед молотью’ [18, с. 442].

Китайская паремика также иллюстрирует идею возможной утраты социального статуса и материального положения богача: *富贵无三辈 (Богатство не может длиться три поколения); 朱门生饿殍, 白屋出公卿 (Дети из домов с красными дверями умрут от голода, а молодые поколения семей, живущих в белых домах, станут высокопоставленными чиновниками)*. В буквальном смысле здесь противопоставлены два типа зданий: у китайцев *朱/门* – ворота красного цвета – осмысляются как символ богатого дома, знатной, богатой, преуспевающей семьи, вызывающей у неимущих неприятие.

白屋 – белый дом, перен. ‘дом бедного, нищего человека’; простые люди живут в строении без цветовой отделки и украшений. Это может также относиться и к вытеснению представителей богатых семейств выходцами из бедных. ПЕ допускает трактовку, подчеркивающую особенности поведения людей – представителей семейств разного материального достатка, влекущего за собой принципиально различающиеся перспективы: ‘Богатство часто делает людей праздными, ленивыми, транжирами (нет необходимости зарабатывать на жизнь)’, – и это оценивается негативно, а ‘бедность делает людей бережливыми, работающими’, что расценивается позитивно (ср. рус. *Бедность учит, а богатство портит; Денег много, да разума мало*). Идея успеха, достигаемого трудом и целеустремленностью, широко представлена в русских ПЕ: *Богатый – на деньги, а бедный – на выдумки; Кто не ленив пахать, тот скоро будет богат*.

На дистанцию между богатыми и бедными указывает и другая ПЕ: *贫居白屋灾须少, 富住朱门病也多 (Бедные люди живут в белом доме, но у них меньше проблем, а богатые*

живут в хоромах с красными воротами, но больше страдают от болезней). Указывая на праздность как причину болезней, китайские ПЕ косвенно реализуют универсальную идею о том, что в жизни бедняков есть свои радости (у бедных – свои достоинства), а у богатых – проблемы, что может отчасти служить неимущему утешением. Ср. русские и китайские ПЕ: *Богатые тоже плачут; Богатому сладко естся, да плохо спится*. Кит. *有钱难买一身安 (Трудно купить здоровое тело за деньги); 财主再富汤浇雪, 穷人虽穷硬如铁 (Богачи богаты, но хрупки, как снег, поливаемый горячей водой, а бедные бедны, но тверды, как железо)*.

Для русской и китайской ментальности характерна идея отрицания важности богатства, противопоставляемого иным ценностям: здоровью, душевному равновесию, семейному согласию и проч.: *Здоровый нищий богаче больного короля; И без золота в радости живут*. Кит. *健康比黄金珍贵 (Здоровье дороже золота); 不愿金玉富, 但愿子孙贤 (Не хочу быть богатым и иметь много золота и нефрита, только надеюсь, что мои дети и внуки будут добродетельными и способными)*.

Отсутствие достойного жилья (т. е. осязаемого материального достатка) не является, согласно многим русским ПЕ, удручающим обстоятельством, лишаящим человека надежды, радостей, высокой самооценки. Не случайно представление о жилье вербализуется в изречениях, выражающих иные предпочтения по сравнению с хорошим домом. Употребительна и сейчас русская ПЕ *С милым рай и в шалаше* о приоритете любви, расположения – в сравнении с возможностью жить в богатом доме обеспеченного, но «немилого» человека. Ср. близкие по смыслу ПЕ: *(Без тебя) пусть высок терем; Хоть в лесной избушке жить, да с любимым быть* и др.

Китайская ПЕ рекомендует девушке «выйти замуж за мужчину по любви (за ровню), а не за хоромы мужчины»: *会嫁嫁对头, 不会嫁嫁门楼*. Компонент *хоромы* символизирует богатство и высокий социальный статус человека.

Тему предпочтения иного типа ценностей – чувства сытости, достаточного количества еды – по сравнению с богатым (качественным) жилищем продолжают ПЕ *Как хлеба ни куска, так и в тереме [возьмет] тоска, а как хлеба край, так и под елкой – рай. Палата бела, а без хлеба в ней беда*. И хороший дом немил голодному: *Палата добра, да без хлеба утла*.

В китайской ПЕ богатый дом сравнивают по шкале ценностей с рыбой головой Се юй (одно из вкусных блюд у китайцев): *宁去累世宅 (прим. 4), 不去蟹鱼额 (букв. Уж лучше бросить палаты (крупное жилище), передаваемые из поколения в поколение, чем отбросить рыбой голову Се юй)*. Здесь и похвала китайской кухне, и идея предпочтительности хорошей еды качественной жилищной собственности.

ПЕ *Хотя веселы хоромы, да не больно здоровы* можно рассматривать, как нам представляется, в двух аспектах: не исключено указание на проблемы с самим строением, которое, возможно, нуждается в ремонте, хотя внешне это не всегда заметно. С другой стороны, звучащая в ПЕ ирония может касаться не одобряемого говорящими образа жизни богачей, недостаточно внимания уделяющих имеющимся проблемам, в том числе – здоровью. Недостаточно быть богатым – важнее быть здоровым.

Мало, согласно русской ПЕ, иметь достойный дом как признак богатства, если нет уверенности в том, что наследники (дети) хорошо им распорядятся. ПЕ *Что бачка промышляет, то сын и дети пропьют и в каменной палате* отражает беспокойство родителей в отношении разумности своих детей. В китайской ПЕ акценты расставлены иначе: *千间房子万顷地, 就怕没有好子弟 (Даже если у человека дом с тысячей комнат и десять тысяч акров земли, детям следует бояться того, что внуки будут невоспитанными и капризными)*. Иначе говоря, какой бы богатой ни была семья, богатство бесполезно при отсутствии хороших наследников – детей и внуков.

В китайских ПЕ, уделяющих большое внимание образованности (ср.: *宝剑不磨要生锈, 人不学习要落后* Если не точить меч, он будет ржаветь; если человек не учится, он будет отставать), с понятием важной для человека собственности связывают книгу: *书中自有黄金屋* (Через чтение (т. е. учебу) обретешь золотые хоромы). Все словосочетание *золотые хоромы* – яркая метафора с семантикой ценности, акцентируемой определением *золотые*.

Жилье как основное бытовое пространство, освоенное человеком, предстает в ПЕ как близкое, дорогое его душе, хотя объективно не всегда презентабельное: *Родная хижина милее каменных палат*. Родное предпочтительнее, пусть и прекрасного, в высшей степени достойного, но ‘другого’, ‘чужого’: *Родная (Своя) хижина лучше чужих палат*. Некачественность собственного жилья в ПЕ подчеркивается словами *хижина, угол / уголок*: *Свой уголок хоть боком пролезть, все лучше; Хорош угол, да чужой, плохой, да свой*. Пусть не самого высокого качества, но собственное жилище служит надежной защитой от внешних сил: *Хоть худ дом, да крыша крепка*.

В китайской ПЕ *金窝银窝不如自家的狗窝* (Своя собачья конура лучше золотого и серебряного гнезда) противопоставляются ценностно осмысляемые образы собачьей конуры как символа убогого жилища и гнезда, чья ценность подчеркивается определениями *золотой* и *серебряный*. Преферативность собственного примитивного жилища по сравнению с замечательным чужим очевидна и в ПЕ *千好万好, 不如自己的土窝窝好* (Как бы у чужих ни было прекрасно, но все же не так хорошо, как в своей глинобитной норке). Другая китайская ПЕ – *千金难买独自家* – гласит: «Дом, который станет человеку близким, дорогим, нельзя просто купить, даже потратив много денег».

Как видно из приведенных ПЕ, русские и китайцы ценят ставшее родным место, порождающее чувство принадлежности ему, и, не претендуя на роскошное жилище, довольствуются простым образом жизни.

В китайской ментальности немало изречений, утешающих и обнадеживающих собственников бедного жилища, повышающих его значимость. Это может касаться, с одной стороны, некоторых сторон простого жилища, обеспечивающих выгодные условия проживания: *茅草棚子不透风, 土墙矮屋好过冬* (Крытая камышом хижина не пропускает ветер, в низком жилище с глинобитными стенами легко зимовать). С другой стороны, у обитателей простого жилища сильнее стремление добиться успеха, способное обеспечить им безбедное будущее. Эта важная для носителей китайской культуры идея реализуется и в ПЕ *自古英雄多磨难, 从来纨绔少伟男* (Всегда у [будущих] героев поначалу много трудностей, а имеющий все никогда не станет великим человеком).

Носители китайской культуры показывают также в своих ПЕ морально-психологическое состояние владельца бедного жилища: *心安茅屋稳* (Когда живешь со спокойной совестью, то и в хижине испытываешь ощущения покоя, удовлетворения). Плохое жилье не мешает человеку жить в мире с самим собой, ср.: *宁叫心宽, 不叫屋宽* (Лучше сердце широкое [жизнерадостность], чем дом широкий) – важнее большого дома жизнерадостность, оптимизм. Живущему в хижине не придется стыдиться этого – так говорит ПЕ *茅屋三间, 子孙不嫌* (Потомки не будут брезговать тремя тростниковыми хижинами). Смысл ПЕ основан на существовавшей в Древнем Китае традиции передачи жилища по наследству (прим. 5): потомки жили в жилищах предков, поэтому они не станут брезговать и жаловаться, даже наследуя только три тростниковых хижины (т. е. у них не будет богатого дома).

Ироничное отношение к жилищу – своему или чужому – проявляется в ПЕ, показывающих несоответствие приличного по внешнему виду жилища его реальному состоянию: *Палата бела, а (да) дверьми утла; Хоромина хороша, да окошки кривы*. Эту тему продолжает и ПЕ *Хоромишки, что горшки стоят: ни кола, ни двора*, где суффикс в слове *хоромишки* вносит оттенок уничижительности.

С помощью этих паремий возможно выражение недоверия человеку, пытающемуся пустить другим пыль в глаза.

Китайское выражение *亮堂屋, 黑卧房* (Дом просторный и светлый, а спальня темная) также имеет иронический оттенок.

Выводы. Проведенный анализ показал, что названия жилых строений, используемые в двух языках для оценки их размеров, состояния и качества – русские (*угол, хижина, хоромы, палаты, терем, нора* и др.) и китайские («дом с тысячей комнат», «красная дверь; перен. ‘богатый дом’», «высокие и просторные палаты», «высокий терем», «белый дом; перен. ‘бедный, нищий дом’», «хижина, крытая соломой» и др.) – широко представлены в ПЕ и служат для указания на материальное состояние его владельца, а также для выражения отношения к жилищу и его оценки, для расстановки ценностных приоритетов носителей языка и культуры.

Лингвокультурологические установки, реализуемые в ПЕ, касаются ряда общих для русских и китайцев идей: они говорят о несопоставимости жилища бедняка и богача и несправедливости, выражающейся в принципиальном различии качества богатого и убогого жилья; о нестабильности состояния богача и возможной смене благополучия бедностью – это во многом связано с поколением потомков хозяина жилья; о достойном иронии несоответствии внешне приличного жилища реальному состоянию самого строения или его хозяев (*Палата бела, а (да) дверьми утла; Хороши хоромы, да нет обороны*; кит. «Дом просторный и светлый, а спальня темная»). Для представителей обеих культур общим является опасение, что богатое жилье не станет гарантией благополучия наследующих его поколений.

В русских и китайских ПЕ передана мысль о бесспорной ценности, пусть и неказистого, но привычного собственного жилья, порождающего чувство независимости (*Родная хижина милее каменных палат*; кит. «Своя собачья конура лучше золотого и серебряного гнезда»), а также идея отрицания важности богатого дома в сравнении с иными ценностями – любовью и браком по любви, едой и чувством сытости.

Национально-маркированные приоритеты состоят в следующем: в китайских ПЕ более ценно морально-психологическое состояние собственника плохого жилья – ощущение покоя, удовлетворения, жизнерадостность и добросердечность, спокойная совесть; также уделяется внимание образованию. В русских ПЕ акцентируется важность здоровья и любви, согласия.

По китайской ПЕ, в бедном жилище могут быть свои преимущества: это не только крыша над головой – жилище становится весомым стимулом в стремлении добиться в жизни успеха. Для китайцев светлые перспективы молодого поколения во многом зависят от личной инициативы – активной деятельности, образования, а не от материального достатка отцов.

Таким образом, русские и китайские пословицы с компонентами-наименованиями жилища актуализируют ценностную составляющую семантики этих слов для выражения универсальных и национально-окрашенных представлений.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например, [15].

2. Мы оставляем за пределами данной статьи значительный массив ПЕ с компонентом *изба* – они заслуживают в силу своей масштабности отдельного внимания.

3. Строгановы занимали уникальное место в истории и культуре России. На протяжении всей истории своего рода Строгановы «являлись опорой государственной власти, крупнейшим финансистами российского правительства» [14, с. 4] и очень богатыми людьми, владевшими, в частности, соляным промыслом. В Санкт-Петербурге кушцу Строганову принадлежал особняк на Невском проспекте.

4. 宅 – жилище, дом (часто имеют в виду большое строение) [26, с. 546].
5. В китайской истории и культуре сохранилось понятие 祖屋 – дома, перешедшие по наследству от предков – «наследственные дома».

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л. : Наука, 1983. – 191 с.
2. Воркачев С. Г. Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и испанском языках // Языковая личность: культурные концепты : сб. науч. трудов. – Волгоград, 1996. – С. 16–25.
3. Герасименко Э. В. Концептуализация понятия «дом» в национально-культурной картине мира // Общество и право. – 2014. – № 1(47). – С. 338–342.
4. Глоzman Б. Г. Лингвокультурный аспект изучения фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «дом» в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Ижевск, 2010. – 18 с.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа. – М. : Гос. изд. худ. литературы, 1957. – 992 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : словарь : в 4 т. – М. : ТЕРРА, 1995.
7. Джусупова К. Ж. Концепт «дом» в русской концептосфере // Язык и культура. – 2013. – № 4. – С. 156–160.
8. Домбровская М. В. Концепт «дождь» как компонент национальной картины мира (на материале французского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Новосибирск, 2006. – 307 с.
9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М. : Дрофа ; Рус. яз., 2000. – 1233 с.
10. Зиновьева Е. И., Пи Цзянькунь. Параметры лингвокультурологического анализа паремий одного языка на фоне другого (на материале русских и китайских единиц) // Коммуникативные исследования. – 2016. – № 1(7). – С. 18–24.
11. Ковшиова М. Л. Сопоставительный анализ фразеологизмов: лингвокультурологический подход // Филология и культура. – 2014. – № 4. – С. 115–120.
12. Копыльских О. В. Тематическая классификация наименований жилища и его частей как компонентов русских паремий // Вестник ЮУрГТТУ. – 2016. – № 8. – С. 159–166.
13. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
14. Куцов И. В. Род Строгановых. – Челябинск : Каменный пояс, 2005. – 224 с.
15. Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. – 2018. – № 4(54). – С. 303–317.
16. Ма Сяньфэй. Стереотипные представления об осадках в русской лингвокультуре на фоне китайской (на материале устойчивых выражений) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – СПб, 2018. – 171 с.
17. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1026 с.
18. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
19. Паремология без границ / Е. Н. Антонова, М. А. Бредис, Т. Е. Владимирова и др. ; под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. – М. : РУДН, 2020. – 244 с.
20. Селиверстова Е. И. Свой глаз – алмаз, а чужой стекло: доверие и недоверие у русских и чехов (на примере паремии) // Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. – М. : Гнозис, 2018. – С. 281–291.
21. Селиверстова Е. И., Чэнь Вэйцзя. Этномаркированные представления о пользе и вреде лжи в русских и китайских пословицах // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2019. – № 3(103). – С. 167–175.
22. Славянские древности : этнолингвистический словарь: словарь : в 5 т. Т. 2 / под общ. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения, 1999. – 702 с.
23. Словарь русского языка : в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. – 736 с.
24. Тихонова М. А. Оценочная лексика русского языка: проблемы лексикографирования // Вестник МГУП. – 2015. – № 2. – С. 352–358.
25. Шитлов А. В. Русская бытовая культура: пища, одежда, жилище (с древнейших времен до XVIII века). – Воронеж : ВГПУ, 2007. – 567 с.
26. 刘丹青新华字典商务印书馆 2020年 699页 (Лю Даньцин. Словарь Синьхуа. – Пекин : Коммерческое издательство, 2020. – 699 с.).

27. 温端政中国谚语大辞典上海辞书出版社 2011年638页 (Уэнь Дуаньчэн. Большой словарь китайских пословиц. – Шанхай : Шанхайское словарное изд-во, 2011. – 638 с.).

Статья поступила в редакцию 09.08.2021

REFERENCES

1. Bajburin A. K. Zhilishche v obryadah i predstavleniyah vostochnykh slavyan. – L. : Nauka, 1983. – 191 s.
2. Vorkachev S. G. Etnosemantika paremii: sopostavitel'nyj analiz metafORIZIROVANNYKH pokazatelej bez-razlichiya v russkom i ispanskom yazykah // Yazykovaya lichnost': kul'turnye koncepty : sb. nauch. trudov. – Volgograd, 1996. – S. 16–25.
3. Gerasimenko E. V. Konceptualizaciya ponyatiya «dom» v nacional'no-kul'turnoj kartine mira // Obshchestvo i pravo. – 2014. – № 1(47). – S. 338–342.
4. Gluzman B. G. Lingvokul'turnyj aspekt izucheniya frazeologicheskikh edinic, reprezentiruyushchikh koncept «dom» v russkom yazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – Izhevsk, 2010. – 18 s.
5. Dal' V. I. Posloviцы russkogo naroda. – M. : Gos. izd. hud. literatury, 1957. – 992 s.
6. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka : slovar' : v 4 t. – M. : TERRA, 1995.
7. Dzhusupova K. Zh. Koncept «dom» v russkoj konceptosfere // Yazyk i kul'tura. – 2013. – № 4. – S. 156–160.
8. Dombrovskaya M. V. Koncept «dozhd» kak komponent nacional'noj kartiny mira (na materiale francuzskogo i russkogo yazykov) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.19. – Novosibirsk, 2006. – 307 s.
9. Efremova T. F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. – M. : Drofa ; Rus. yaz., 2000. – 1233 s.
10. Zinov'eva E. I., Pi Czyan'kun'. Parametry lingvokul'turologicheskogo analiza paremij odnogo yazyka na fone drugogo (na materiale russkikh i kitajskikh edinic) // Kommunikativnye issledovaniya. – 2016. – № 1(7). – S. 18–24.
11. Kovshova M. L. Sopostavitel'nyj analiz frazeologizmov: lingvokul'turologicheskij podhod // Filologiya i kul'tura. – 2014. – № 4. – S. 115–120.
12. Kopyl'skikh O. V. Tematicheskaya klassifikaciya naimenovaniy zhilishcha i ego chastej kak komponentov russkikh paremij // Vestnik YuUrGGPU. – 2016. – № 8. – S. 159–166.
13. Krasnyh V. V. Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya : kurs lekcij. – M. : ITDGGK «Gnozis», 2002. – 284 s.
14. Kupcov I. V. Rod Stroganovyh. – Chelyabinsk : Kamennyj pojas, 2005. – 224 s.
15. Lomakina O. V., Mokienko V. M. Cennostnye konstanty rusinskoj paremiologii (na fone ukrainskogo i russkogo yazykov) // Rusin. – 2018. – № 4(54). – S. 303–317.
16. Ma Syanfej. Stereotipnye predstavleniya ob osadkah v russkoj lingvokul'ture na fone kitajskoj (na materiale ustojchivykh vyrazhenij) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. – SPb, 2018. – 171 s.
17. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. Bol'shoj slovar' russkikh posloviц. – M. : OLMA Media Grupp, 2010. – 1026 s.
18. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij // Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. – 4-e izd., dop. – M. : OOO «A TEMP», 2006. – 944 s.
19. Paremiologiya bez granic / E. N. Antonova, M. A. Bredis, T. E. Vladimirova i dr. ; pod red. M. A. Bredisa, O. V. Lomakinov. – M. : RUDN, 2020. – 244 s.
20. Seliverstova E. I. Svoj glaz – almaz, a chuzhoj steklo: doverie i nedoverie u russkikh i chekhov (na primere paremiki) // Logicheskij analiz yazyka. Ponyatie very v raznyh yazykah i kul'turah. – M. : Gnozis, 2018. – S. 281–291.
21. Seliverstova E. I., Chen' Vejczya. Etnomarkirovannye predstavleniya o pol'ze i vrede lzhi v russkikh i kitajskikh posloviцah // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2019. – № 3(103). – S. 167–175.
22. Slavyanskije drevnosti : etnolingvističeskij slovar': slovar' : v 5 t. T. 2 / pod obshch. red. N. I. Tolstogo. – M. : Mezhdunar. otnosheniya, 1999. – 702 s.
23. Slovar' russkogo yazyka : v 4-h t. / RAN, In-t lingvistich. Issledovanij ; pod red. A. P. Evgen'evoj. – 4-e izd., ster. – M. : Rus. yaz. ; Poligrafresursy, 1999. – 736 s.
24. Tihonova M. A. Očnochnaya leksika russkogo yazyka: problemy leksikografirovaniya // Vestnik MGUP. – 2015. – № 2. – S. 352–358.
25. Shipilov A. V. Russkaya bytovaya kul'tura: pishcha, odezhd, zhilishche (s drevnejshih vremen do XVIII veka). – Voronezh : VGPU, 2007. – 567 s.
26. 刘丹青新华字典商务印书馆 2020年 699页 (Lyu Dan'cin. Slovar' Sin'hua. – Pekin : Kommercheskoe izdatel'stvo, 2020. – 699 s.).
27. 温端政中国谚语大辞典上海辞书出版社 2011年638页 (Uen' Duan'chen. Bol'shoj slovar' kitajskikh posloviц. – Shanhaj : Shanhajskoe slovarnoe izd-vo, 2011. – 638 s.).

The article was contributed on August 9, 2021

Сведения об авторах

Селиверстова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка для гуманитарных и естественных факультетов Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: e.seliverstova@spbu.ru

Ван Исюань – аспирант кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: vanisuan@gmail.com

Author information

Seliverstova, Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language for Humanitarian and Natural Science Faculties, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: e.seliverstova@spbu.ru

Wang, Yixuan – Post-graduate Student, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; e-mail: vanisuan@gmail.com